Precedent texts and events as a means of expressing the negative information in the French and German media discourse

The issue of precedence attracts the attention of Russian and foreign linguists. Each person is a representative of a particular national culture, including language, history, literature and national customs. One of the linguistic ways of expressing the values of society are precedent texts and precedent phenomena. The system of precedent texts is a national linguistic and cultural value that stores the information about the language history and the society.

Key words: *precedence, precedent name, precedent phenomenon, precedent text, newspaper discourse, journalism, media.*

(Статья поступила в редакцию 11.12.2017)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.В. ЖАРАВИНА
(Волгоград)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ *ЗЛОМУ ДОБРУ*: А.А. АХМАТОВА – «АННА I» И «КОЛЫМСКИЙ СИНДРОМ» В.Т. ШАЛАМОВА

Рассматривается феномен «зла от света», или «злого добра», и противодействия ему в творчестве В.Т. Шаламова и А.А. Ахматовой. Сравнительно-сопоставительный аспект подчеркивает сопротивление богоборческим тенденциям эпохи при уникальности эстетико-аксиологических ориентиров авторов. Показано особое место «феномена» Ахматовой («Анны I») в художественном мире Шаламова, с выделением в нем элементов «ахматовского» текста.

Ключевые слова: *«злое добро», стокгольмский фактор, историческая память, колымский феномен.*

Для Варлама Шаламова без Ахматовой, как и без Анненского, Андрея Белого, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, Ходасевича и др., русской лирики XX в. попросту не существовало. Более того, «в жизненном явлении, называемом “Ахматова”», он видел «великий нравственный пример верности своим поэтическим идеалам, своим художественным принципам» [11, т. 5, с. 193], что придавало ее личности поистине царственное величие: «Ахматова – Анна I» [Там же, с. 292]. Можно ли найти более комплиментарное определение! Ей, чистейшему олицетворению поэтической Музы, посвящены принципиально значимые размышления о природе художественного творчества и «тайнах ремесла».

Отметим и особую щепетильность двух авторов в отношениях с литературным и окололитературным окружением. Сколько оскорбительных речей и реплик пришлось выслушать Ахматовой, «бессчетное количество раз начисто уничтоженной» [2, т. 5, с. 196], не только от «сильных мира сего», но и от своих же собратьев по перу общеизвестно: «<…> ругань шла, как вода по водопроводу» [Там же, с. 87]. Раздавалось и «злобное шипение» со стороны отдельных эмигрантов [Там же, с. 213]. Шаламов же подвергся испытаниям другого рода: он активно уклонялся от попыток «профессиональных» борцов за свободу, обозначенных им аббревиатурой ПЧ («прогрессивное человечество»), сделать из него очередного официального «узника совести». Эта публика, по убеждению писателя, состояла «наполовину из дураков, наполовину – из стукачей <…>». «И, стукачи, – пишет И.П. Сиротинская, воспроизводя данную характеристику, – его сопровождали буквально до смертного одра, до края могилы <…>» [8, с. 42]. Смысл этих, казалось бы, противонаправленных ситуаций точно выражают шаламовские строки: «<…> гномы судят исполинов, / Не замолчавших до конца» [11, т. 3, с. 298].

«Меня качает взад-вперед / Из подземелья в поднебесье / И выступает жаркий пот», – писал Шаламов [12, с. 26]. Но разве не аналогичным образом судьба возносила, низвергала и вновь славословила Ахматову! Ей, царскосельской «насмешнице / И любимице всех друзей», неоднократно (как записано в дневнике) «была предоставлена возможность присутствовать не только при собственной гражданской смерти, но даже как бы и при физической. Люди просто откровенно не хотели, чтобы я была жива. Так и говорили: “Я бы умер”» [2, т. 5, с. 200]. Впрочем, и Шаламову пришлось принять «похоронную шутку» А.И. Солженицына, возвестившего миру при жизни писате-

© Жаравина Л.В., 2018

ля – «Варлам Шаламов умер» [11, т. 5, с. 365]. К Ахматовой мировое признание все же пришло: премия Этна-Таормина, диплом почетного доктора Оксфордского университета, номинация на Нобелевскую премию. Все это общеизвестно, но опубликования «Реквиема» в России автор так и не дождалась, ей была суждена другая дорога: «не скажу куда...» [2, т. 2, кн. 1, с. 206]. Творчество Шаламова также получило широкую известность, и все же уникальность художника, втиснутого в узкие рамки «лагерной» литературы, не осознана в полной мере по сей день.

Прежде чем продолжить дальнейшие сопоставления, обратимся к двум стихотворениям. Первое написано Ахматовой в июне 1921 г.: «Все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано, / Отчего же нам стало светло? // Днем дыханьями веет вишневыми / Небывалый под городом лес, / / Ночью блещет созвездьями новыми / Глубь прозрачных июльских небес, – // И так близко подходит чудесное / К развалившимся грязным домам ... / Никому, никому не известное, / Но от века желанное нам» [Там же, т. 1, с. 351].

Второе принадлежит Варламу Шаламову: «Я думаю все время об одном – / Убили тополь под моим окном. // Я слышал хриплый рев грузовика, / Ему мешала дерева рука. // Я слышал крики сучьев, шорох трав, / Еще не зная, кто не прав, кто прав. // Я знал деревьев добродушный нрав, / Неоспоримость всяких птичьих прав. // В окне вдруг стало чересчур светло – / Я догадался: совершилось зло.// Я думаю все время об одном – / Убили тополь под моим окном» [11, т. 3, с. 397].

Шаламовское стихотворение написано через 40 с лишним лет после ахматовского – в 1963 г. и, как мы видим, по другому поводу. Но главная мысль аналогична; ее сформулировала жена Вадима Леонидовича Андреева, сына известного писателя, Ольга Викторовна, пораженная неожиданными «в своей жестокости» стихами: «в окне вдруг стало чересчур светло – я догадался: совершилось зло». «Зло от света <…> неожиданно, жестоко и верно», – заметила она [Там же, т. 6, с. 519].

Казалось бы, речь идет о совершенно обыденном явлении: запланированной сезонной расчистке московских улиц от сухостоя, благодаря чему в окно, затененное листвой, хлынул свет. Почему же в таком случае – «жестоко» да еще «верно», почему «зло от света»? Разве естественный источник света не благо для человека с ослабленным зрением?

Вопрос предполагает неоднозначный ответ. Острота негативной реакции самого поэта на вполне обоснованный акт московских властей объясняется контекстом его творчества, в котором явственно выделяется комплекс символических значений, связанных с темой и образом дерева. «О деревьях не пишу <...>» – так начинается одно из стихотворений [11, т. 3, с. 253]. Шаламов действительно не писал о деревьях как элементах пейзажа, ибо его «древесные» реалии очеловечены. Как и люди, лиственницы, сосны, ели и пр. осуждены «на смертные мученья» при жизни [Там же, с. 193]; они и «умирают лежа, как люди» [Там же, т. 1, с. 80]. Дерево у Шаламова душевно и духовно: «Я жаловался дереву, / Бревенчатой стене, / И дерева доверие / Знакомо было мне <...>» [Там же, с. 50] (см.: [6, с. 73–92]).

А что касается проблем со зрением, действительно актуальных для писателя, то на память приходит евангельское признание слепого, прозревшего от прикосновения Христа: «вижу проходящих людей, как деревья» (Мр. 8: 24). Подобное отождествление – символ свершившегося чуда, свидетельствующий об обретенной полноте бытия. И напротив, «убийство» тополя напрямую ведет к танатологической антропосфере. О.В. Андреева права: «жестоко». Но все же – причем здесь *свет* как причина и следствие *зла*?

Впрочем, на аналогичном логическом каркасе построено и стихотворение Ахматовой: «Все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано, / Отчего же нам стало светло? <...>». Разумеется, за процитированными строками стояла иная реальность: революционный беспредел, охвативший Россию, сыпняк, голод, череда смертей, насильственных и естественных, в числе последних – смерть близкой подруги. До гибели Александра Блока, ареста и расстрела Николая Гумилева оставались считанные недели. Ахматова еще не ведала и о других грядущих потрясениях, но это был тот случай, когда, как пророчески заметил Блок, в сердце «уже отклонилась стрелка сейсмографа» [4, т. 5, с. 359].

Правда, скверне революционных буден у Ахматовой противопоставлены «вишневое дыханье» деревьев, блеск новых ночных созвездий, «глубь прозрачных июльских небес»… И в финале звучит мотив *чуда,* неожиданно близко подошедшего к «развалившимся грязным домам <…>». Однако современниками это противопоставление воспринималось большей частью негативно. Так, после прочте-

ния стихотворения в петербургском Доме литераторов оно было представлено как «образец продажной лирики» и свидетельство того, что автор «исписалась» [2, т. 5, с. 85].

Большей частью подобное «злопыхательство» исходило от близоруких обывателей, ибо ретроспективное прочтение текста отводит все упреки в стремлении заменить трагическую самоочевидность настоящего «желанным», но «никому, никому не известным» чудом. «Счастливое» неведение еще более гибельных потрясений не менее трагично, чем самое будущее. Но вопрос по сути тот же: почему трагические страницы истории могут породить светлые высокохудожественные образы?

Казалось бы, Шаламова, каторжанина с двадцатилетним гулагоговским стажем, невозможно заподозрить в трагической неосведомленности (tragica ignorantia). Но и у него встречаем строки, способные вызвать недоумение. Хорошо понимая, что «жить остаться – нет надежды», лирический герой тем не менее угадывает в беснующейся пурге контуры цветущего яблоневого сада, воспринимая возникшую в сознании картину в высшей степени позитивно: «Я кое-что прощаю аду / За неожиданность наград, / За этот, в хлопьях снегопада, / Рожденный яблоневый сад» [11, т. 3, с. 172–173]. Некоторые философы слышат здесь отзвуки стокгольмского синдрома: стремление «хоть капельку, но оправдать зло <…>». По их мнению, «это один из тех провалов, срывов, которые почти неизбежны» [7, с. 88].

Мы не располагаем сведениями о том, что Шаламов интересовался стокгольмским фактором, что, впрочем, не имеет никакого значения. Тем более не могла о нем знать Ахматова. Но вот одно из ее стихотворений, написанных уже после того, как она, «трехсотая», с передачей для сына выстаивала нескончаемую очередь «под Крестами», хорошо понимая, «сколько там / Неповинных жизней кончается» [2, т. 3, с. 24]. Между тем поэтические строки звучат так: «Но иногда весенний шалый ветер, / Иль сочетанье слов в случайной книге, / Или улыбка чья-то вдруг потянут / Меня в несостоявшуюся жизнь <…> / Но если бы оттуда посмотрела / Я на свою теперешнюю жизнь, / Я б умерла от зависти ...». Текст сопровождается уточнением: написан 2 сентября 1945 г., в Ленинграде (Фонтанный Дом), задуман еще в Ташкенте [Там же, т. 2, с. 109].

Скажем прямо: позитивные ощущения авторов представляются демонстративно неадекватными обстоятельствам. В самом деле, уместна ли зависть по отношению к «теперешней жизни» как следствию перенесенной Ахматовой трагедии: «муж в могиле, сын в тюрьме» [2, т. 3, с. 24]? Подобает ли быть благодарным Колыме за то, что она, как утверждал Шаламов, раскрыла «великую, ни с чем не сравнимую удивительную реальную силу поэзии» [11, т. 6, с. 212]?

Элементарно просто разъяснял позицию последнего Г. Адамович в рецензии на сборник «Дорога и судьба» («Русская мысль», Париж, 1967). Он признавался, что не мог отделаться от «колымского» подхода к стихам, однако сам поэт «готов махнуть рукой на все былое» [1] . Ознакомившись с отзывом через О.Н. Михайлова, автор «Колымских рассказов» резонно заметил: «Я вижу в моем прошлом и свою силу, и свою судьбу, и ничего забывать не собираюсь» [11, т. 6, с. 530]. Категорична и Ахматова: «На губах твоих холод иконки. / Смертный пот на челе… не забыть!» [2, т. 3, с. 23].

И все же ситуация не столь однозначна. Разумеется, абсолютно не может идти речь о каких-либо вариациях стокгольмского синдрома, т.е. о жертве, перешедшей на сторону палача и сочувствующей ему. Но целесообразно напомнить об эффекте, как писал Шаламов, «двояковыпуклой линзы» [11, т. 3, с. 303], способной создавать изощренные фантомы позитивной и негативной направленности: «Оптический обман – / Изнанка ностальгии, / Морозный наш туман / Масштабы дал другие. // В рулетках и часах, / В любви и в преступленье, / Чтоб мы о чудесах / Имели представленье» [Там же, с. 26]. Конечно, это чудо: на северных широтах «слышать, как растет трава» или следить «цветка рожденье» [Там же, с. 14]. Но в другом «колымском» стихотворении «оптический обман» выразился в описании «голого» леса, насквозь просвеченного янтарными лучами «жесткого» январского солнца и при этом уродливо искалеченного ими [Там же, с. 356]. Поистине: «Свет – порожденье наших глаз, / Свет – это боль, / Свет – испытание для нас, / Для наших воль. // Примета света лишь в одном: / В сознанье тьмы, / И можно бредить белым днем, / Как бредим мы» [Там же, с. 297]. Об измененном состоянии сознания сказано и в «Реквиеме»: «Уже безумие крылом / Души закрыло половину, / И поит огненным вином / И манит в черную долину. / И поняла я, что ему / Должна я уступить победу, / Прислушиваясь к своему / Уже как бы чужому бреду» [2, т. 3, с. 27].

А что касается «зла от света», то оно исходит от «злых дел людей», которые «более возлюбили тьму, нежели свет», как говорит

евангелист (Ин. 3:19). Если же использовать высказывание Н.А. Бердяева (правда, по другому поводу), которого и Ахматова, и Шаламов весьма почитали, то очевидно, что *зло*деяние, представленное как *благо*деяние, – не что иное, как тьма, замаскированная под свет, или «кошмар злого добра», форма «демонического зла» [3, с. 78–87].

Но парадокс в том, что и неприятие версии стокгольмского синдрома, и признание реальности «злого добра» не уменьшают, но увеличивают число и остроту «каверзных» вопросов. Действительно ли автор «Реквиема», услышав приговор сыну, считала, что «надо снова научиться жить», и восприняла «горячий шелест лета» как светлый праздник в «опустелом доме» [2, т. 3, с. 26]? Действительно ли она была «счастлива», живя «новой жизнью» своей новой страны, «ритмами» ее героической истории [Там же, т. 5, с. 240]? Разве героика отменяет трагедию? Да и Шаламов, утверждая, что «Текут потоком горьких слез / Все реки ада…» [11, т. 3, с. 100], считал необходимым выстроить «мостик из стихов», чтобы взойти «на небо», не взяв «ни зависти, ни злости» [Там же, с. 8]. Впрочем, и реакция А. Блока на страшнейшее землетрясение в Италии (1908) также свелась к вопросам: «Неужели *этим* фактам нужно противопоставлять оптимизм? И неужели нужно быть пессимистом или человеком суеверным, чтобы указывать на то, что флаг культуры может быть всегда приспущен, если приближается гроза?» [4, т. 5, с. 355]. Более того, тот же Блок утверждал: «Был в чаду, не чуя чада, / Утешался мукой ада <….>» [Там же, т. 3, с. 49]. Оксюморон? Риторический прием? Казалось бы, и В.А. Жуковский писал об «утешении в слезах». Но это не те слезы, которые «в клещах мороза» автор «Колымских тетрадей» «обламывал» рукой [11, т. 3, с. 73]. И, конечно, не слезы «невольных подруг» Ахматовой, подобно ей месяцами простаивавших в тюремных очередях Ленинграда.

Бесспорно (и этот факт Шаламов аргументировал ссылкой на «Сикстинскую Мадонну»), существует особая природа «художественного ощущения мира». В основе его не только «тревога, смятение, взволнованность», но и (как это ни странно и страшно звучит) «красота горя» [Там же, т. 6, с. 191]. Но снова вопрос: оправдана ли такая красота реальностью: «Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел» [2, т. 3, с. 28]?

Тем не менее в этом случае ответ достаточно очевиден: «красота горя» – трансценденция духовной природы, и в качестве своего онтологического референта (как сказал бы философ) она имеет не реальность в эмпирико-материальном воплощении, но воспроизводящий ее совершенный художественный образ. «Я ошалел, – писал Шаламов о выставленном в Москве шедевре, – <…> я понял, кем был Рафаэль <…> Мне было стыдно за себя и радостно за Рафаэля» [11, т. 6, с. 120–121]. В стихах сказано еще откровеннее: «И пред лицом моей Мадонны / Я плачу, вовсе не стыдясь <…> // Я у себя прошу прощенья / За то, что понял только тут, / Что эти слезы – очищенье, / Их также “катарсис” зовут» [Там же, т. 3, с. 298]. Как видим, произведенное от полотна впечатление (*красоту горя*) поэт связывает с одним из основных искусствоведческих понятий – *катарсис*.

Несомненно, что к подобным трансценденциям только низшего порядка («от лукавого») относятся *злое добро*, *свет от зла*, *утешение мукой ада и* т.п., т.е. то, что переходит границы «человеческого, чисто человеческого» (Ф. Ницше). *Утешение мукой ада* возможно лишь в процессе абсолютного отчуждения личности от своего «я» и перехода в сферу духовного небытия. *Свет от зла* напрямую актуализирует ассоциации с библейским Люцифером (этимологически *светоносным*) и евангельским Антихристом, олицетворяющими *демоническое зло*.

Их жертвой, к сожалению, может стать читатель, зачарованный поэтическим словом и забывший о том, что стихи – «это стигматы», чужих и своих «страданий след» [Там же, т. 3, с. 370]. Но в таком случае он, как и предупреждал Шаламов, попадает в поэтическую «ловушку» [Там же, т. 3, с. 452]. Отсюда убеждение поэта: «Нормальный читатель не доверяет стихам <…>. Стихи – это боль, мука, но и всегда – игра» [Там же, с. 501–502]. Есть и другие неожиданные суждения: «<…> стихи – это дар Дьявола (здесь слово написано с прописной буквы. – *Л.Ж.*), а не Бога <…> тот, – Другой, о котором пишет Блок в своих записках о “Двенадцати” – он-то и есть наш хозяин» [Там же, с. 553].

Конечно, ссылка на Блока не случайна: ведь и ему Христос «привиделся» в снежной сумятице Петербурга, как Шаламову яблоневый сад в метельной Колыме. Хотя вопрос о блоковском Исусе выходит за пределы темы, невозможно не процитировать «страшную мысль» поэта: «<…> надо, чтобы шел Дру-

гой» [4, т. 7, с. 326]. Он же, названный *Другим,* весьма активно проявляет себя у Ахматовой в «Поэме без героя» – в разных обличьях. И как «Бес творчества», под чью диктовку с «демонской легкостью» писался текст [2, т. 3, с. 229], и как «Тот, что хром и кашляет сухо…» [Там же, с. 98], и как некто «без лица и названья», затесавшийся в «полночную Гофманиану» [Там же, с. 100] и т.д. Самому автору уточнять, кто такой – «Владыка Мрака», или «Сам изящнейший Сатана», не хотелось. «Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но если бы я это сделала, у современного читателя волосы стали дыбом» [Там же, с. 219]. С одной стороны: «Никаких третьих, седьмых и двадцать девятых смыслов поэма не содержит» [Там же, с. 126]. С другой: «У шкатулки ж тройное дно» [Там же, с.195]. Получается, что без «ловушек» для читателя у Ахматовой, как и у Шаламова, не обошлось. Впрочем, поэты лишь выразили то, что диктовалось эпохой: в гулаговских «ловушках», хитроумно расставленных «лукавым», оказались миллионы. Обнажилась и тайная суть *зла от света*: им оказалась *ослепляющая тьма*, завораживающая *лже*сиянием.

Выше приводились слова Шаламова о «гномах, судящих исполинов». Ситуация, как явствуют стихи, универсальна: «Ручей мнит себя самолетом, / А русло – дорожка для взлета. // <…> // И в небо он смело взлетает, / Но только секунду блистает // < …> // Разбитый на капли, на брызги, / Он падает в реве и визге. // Чтоб каждою каплею малой / Долбить побережные скалы» [11, т. 3, с. 335–336]. Что ж, именно капля, согласно многовековой мудрости, точит камень и, добавим, человеческую душу и сознание. Действительно, план ГУЛАГа, начертанный «*драконовой* рукой» [Там же, с. 172], воплотился, можно сказать, с гениальной точностью. «Место для лагерей было выбрано гениально»; «Архитектура малой зоны идеальна»; если первые лагеря еще имели «шаткую юридическую основу», то в дальнейшем на 500 «юридических» мест на юридически же законном обосновании вмещались тысячи [Там же, т. 1, с. 577, 142, 593] и т.п. Разумеется, это были расчеты *гения зла*, и они захватили не только континентальные, но и водные пространства страны, включая «выстроенный на воде и крови» гидротехнический лагерно-индустриальный комплекс [5].

Но настойчиво подчеркнем: надежды на стокгольмский феномен, о чем во все времена мечтал «лукавый», оказались несостоятельны по отношению к двум поэтам. Их личное противостояние «кошмару злого добра» в обстановке «осатанелых» лет (Ахматова) и в ситуации *зачеловечности* (Шаламов) не требует доказательств. «<…> На каждый вызов новый / Есть у меня ответ достойный и суровый» [2, т. 1, с. 383]. Вся жизнь автора поэмы «Реквием» – подтверждение этой истины. Что же касается Шаламова, то он воспроизвел не стокгольмский, но «колымский синдром», о чем свидетельствует, в частности, стихотворение «Сосна в болоте» с автокомментарием: «Полностью соответствует художественным принципам моей поэтики» [11, т. 3, с. 473]. Речь идет о том, что сброшенная со скалы сосна не смогла удержаться, «вцепиться в щели скал». Но «ветер – тот, что был убийцей, / ей руку тихо жал. // Еще живую жал ей руку, / Хотел, чтобы она / Благодарила за науку, / Пока была видна» [Там же, с. 322–323]. Однако жертва не захотела благодарить палача за «науку» и отпущенные мгновения жизни. Суть противостояния «гномам», вообразившим себя сверхчеловеками, точно сформулирована автором: «Всем убийцам в моих рассказах дана настоящая фамилия» [Там же, т. 5, с. 332]; «Помнить зло раньше добра. Помнить все хорошее – сто лет, а все плохое – двести» [Там же, т. 2, с. 311]. Но главное: «<…> я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса» [Там же, т. 4, с. 626].

Более того, «великая проба» физических и нравственных сил, которую достойно выдержали поэты, означала не только личную несгибаемость, но и способность противостоять богоборческим тенденциям эпохи. На наш взгляд, уместно в этой связи вновь вспомнить Блока, чья запись в дневнике 1912 г. всегда приводила исследователей в замешательство: «Гибель Titanic'а, вчера обрадовавшая меня несказанно (есть еще океан)» [4, т. 7, с. 139]. Фраза, конечно, двусмысленна, но в перспективе ГУЛАГа однозначна. Конечно, не страшная участь невинных жертв «обрадовала» поэта, но способность хотя бы природной стихии (при бессилии человеческой массы) противостоять сатанинской гордыне строителей техногенного гиганта – плавучему Вавилону, как, впрочем, и называли лайнер, бросавший вызов Всевышнему, как и ГУЛАГ.

Анна Ахматова никогда не подвергала ревизии ценности Православия. В сознании Шаламова катафатика совмещалась с апофатикой, причем последняя (особенно в прозе) доминировала, что ни в коей мере не дает повод акцентировать атеизм писателя. Признание автора «Героя без поэмы», будто бы написанной

под «демонскую» диктовку, и высказывания Шаламова о стихах как «античеловеческом мероприятии», конечно, не поддаются абсолютизации, но и не нуждаются в каких-либо оправдательных уступках.

Немаловажно, что процитированным выше стихам Ахматовой о какой-то «несостоявшейся» жизни, с высоты которой реально прожитые годы – будто бы предмет зависти, предпослан эпиграф из Ф.И. Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые» [2, т. 2, с. 108]. «Колымские тетради», в свою очередь, предваряются стихами Блока также в качестве эпиграфа: «И пусть над нашим смертным ложем / Взовьется с криком воронье, – / Те, кто достойней, Боже, Боже, / Да узрят Царствие Твое!» [11, т. 3, с. 5]. Суть блоковского предвосхищения ясна и напрямую соотносится с апостольской максимой: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1:12). Но тютчевский стих, часто с пафосом цитируемый в плане позитивного осмысления исторических катаклизмов (большей частью теми, кто их благополучно пережил), предполагает знание последующих строк, разъясняющих смысл блаженства: «Его (свидетеля роковых событий. – *Л.Ж.*) призвали всеблагие / Как собеседника на пир. / Он их высоких зрелищ зритель, / Он в их совет допущен был – / И заживо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил!» [9, с. 36]. А это значит, что речь идет о благодатном осенении свыше как награде за достойно пережитые страдания.

Далее. Истинный художник, даже будучи в запредельной ситуации, исходит из собственной иерархии ценностей. В дневнике 1973 г. Шаламов записывает: «Тихо! Идет эпоха. Псалм и стих» [11, т. 5, с. 341]. «Стих» может быть горьким, «скорбным», «с живою кровью» [Там же, т 3, с. 304], но псалом («псалм») – это всегда хвалебное молитвословие, всегда дифирамб. Дифирамб «религии поэзии, религии искусства», исповедуемой Шаламовым [Там же, т. 6, с. 377], тому творческому дару, ниспосланному свыше, который помог преодолеть Колыму. Название задуманного Ахматовой автобиографического повествования «Мои полвека (1910–1960)» – явное доказательство того, что, даже будучи «вне времени», поэт видела себя соучастницей, а не только свидетелем происходящего [2, т. 5, с. 245–252].

Л.К. Чуковская определила поэзию Ахматовой с ее «острым чувством истории» как «праздник памяти, пир памяти», подчеркнув, что память ее, как и у любого человека той эпохи, «набита мертвецами» [10, с. 145]. «Я сплю в постелях мертвецов <…>», – еще более пронзительно резюмировал Шаламов [11, т. 3, с. 33].

С этой точки зрения показательно также совпадение «великолепного», по определению Шаламова, ахматовского стихотворения «Родная земля» и его собственных не менее известных строк: «Говорят, мы мелко пашем, / Оступаясь и скользя. / На природной почве нашей / Глубже и пахать нельзя. // Мы ведь пашем на погосте, / Разрыхляем верхний слой. / Мы задеть боимся кости, / Чуть прикрытые землей» [Там же, с. 149]. Стихотворение Ахматовой звучит практически в той же тональности: «<…> Да, для нас это грязь на калошах, / Да, для нас это хруст на зубах. / И мы мелем, и месим, и крошим / Тот ни в чем не замешанный прах. / Но ложимся в нее и становимся ею, / Оттого и зовем так свободно – своею» [2, т. 2, с. 120].

Как видим, у поэтов речь идет о русской земле как некропространстве, но от этого она не перестает быть «родной землей», «своею». Кроме того, русская земля – это еще и «русская речь,/ Великое русское слово» [Там же, с. 16]. Писатель же «всесилен – мертвецы поднимаются из могил и живут» [11, т. 4, с. 307]. Понятно, что Шаламов имел в виду высокую нравственную миссию художника воскрешать в истории жертвы прошлого. Обратим также внимание на тот факт, что в «Поэме без героя» обыгран девиз герба на воротах Фонтанного дома: *Deus conservat omnia* («Бог сохраняет все») [2, т. 3, с. 90].

А что касается человеческой памяти (особенно женской), то в ней хранятся даже те «мелочи», которые создавали внешний облик лирической героини: «До самого локтя перчатки», узкая юбка, надетая, «чтоб казаться еще стройней», темная вуаль, конечно, знаменитая шаль, воспетая Блоком и т.п. Времена менялись, и в 1946 г. Ахматову радовала «посылка с носильными вещами и кусками материи», чтобы быть «чем-то прикрытой» [Там же, т. 5, с. 193]. Но на Шаламова особое впечатление произвел рассказ одного из мемуаристов о шерстяном старом платье, сохранившемся со времен «Бродячей собаки» и «Четок». Оно настолько «пришло в ветхость», что «лопнуло на одном из приемов, и гости зашивали это платье на Анне Андреевне». «Это лопнувшее шерстяное платье, – подытоживает писатель, – в тысячу раз почетнее оксфордской мантии, в

тысячу раз больше к лицу Анне Андреевне» [11, т. 5, с. 194]. Наверное, это действительно так, но сама Ахматова в 1958 г. почему-то вспоминает «пропотелый ватник и калоши / Высокие», которые носит «тридцатый год» [2, т. 2, с. 211]. «Я ватник сносила дотла», – пишет она в стихотворении 1960 г. [Там же, кн. 2, с. 95].

К счастью, ватник ей не пришлось носить, но без него непредставима участь тех ее современниц, которые стали героинями шаламовских рассказов. И нет ничего странного в том, что судьба автора «Реквиема» рифмуется с их судьбами (о принципе рифмовки персонажей у Шаламова см.: [6, с. 67–72]).

Так, в рассказе «Тетя Поля» описывается приход в лагерную больницу бывшего священника, у которого умирающая старая лагерница, пользовавшаяся благоволением начальства, пожелала исповедаться. Далее и вовсе последовало нечто из разряда «чудес»: отец Петр добился, чтобы на могиле женщины, первоначально похороненной, как и остальные, – безымянной, с номером личного дела на деревянной бирке – разрешили поставить крест. Более того – прикрепили к кресту «досочку», написав не только даты жизни и смерти, но и подлинное имя умершей, которое какими-то таинственными путями опять же разузнал священник.

«Поэзия – это мир всеобщих соответствий», – говорил Шаламов [11, т. 6, с. 294]. Исходя из его слов, мы напрямую соотнесем рассказ со стихотворением, написанным под впечатлением прощания с А.А. Ахматовой во дворе морга больницы Склифосовского 9 марта 1966 г. Стихи звучат так: «<…> Распахнут подземелье столетья, / Остановится время – пора / Лифтом морга, как шахтною клетью, / Дать добычу судьбы – на гора. // Нумерованной, грузной, бездомной / Ты лежала в мертвецкой – и вот / Поднимаешься в синий огромный / Ожидающий небосвод» [Там же, т. 3, с. 411].

Казалось бы, не вполне ясно, почему необходимо сопоставлять лифт мертвецкой московской больницы с «шахтною клетью», подходить к таинству смерти «одного из самых щепетильнейших поэтов» [Там же, т. 5, с. 35] с лагерными требованиями: «Дать добычу судьбы – на гора». Но щепетильность ни при чем. Ясно же сказано в «Реквиеме»: «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был» [2, т. 3, с. 21]. Поэтому личность прославленной старухи «в мятом, ситцевом старом халате» (такой Шаламов увидел Ахматову в гробу) накладывается и на образ тети Поли, и на бесчисленное количество погибших колымчанок, тоже «нумерованных», тоже «бездомных». Все они с равным духовным величием покидали «подземелье» жестокого века, чтобы вознестись в «синий огромный» небосвод [11, т. 3, с. 411–412].

Более того, Шаламов написал свой «Реквием» – значительный по объему стихотворный текст, посвященный вечной женской теме. К сожалению, он вошел в корпус «Колымских тетрадей» без какой-либо атрибуции, но текст поистине «ахматовский». Начало посвящено тем же безвестным колымским мученицам: «Ты похоронена без гроба / В песке, в холщовой простыне. / Так хоронили в катакомбах / Тогда – у времени на дне». Но далее описание арестантской судьбы естественным образом вбирает в себя материнскую скорбь женщины-поэта: «<…>Ты слепла в черных лабиринтах / Моей безвыходной земли, / Какие ж сказочные ритмы / Тебя к спасению вели, // Что в этой музыке душевной / Ты проявила на свету / Такой простой и совершенной / Твою седую красоту <…> // И этот подвиг незаметный, / Великий материнский долг / Как подчеркну чертой отметкой, / Когда еще “не втолкан толк” <…> // Когда, заверчен и закручен / За солнцем, светом и теплом, / Я вижу в боли только случай / И средство для борьбы со злом. // Тогда твоим последним шагом / Куда-то вверх, куда-то вдаль / Оставишь на моей бумаге / Неизгладимую печаль» [Там же, с. 135–137].

Ахматовский подтекст, на наш взгляд, очевиден. Поистине: «свой ватник» она сносила «дотла» и «жизненное явление, называемое “Ахматова”», феноменально и неисчерпаемо. Варлам Шаламов в силу чрезвычайного жизненного опыта и уникальной творческой одаренности понимал это глубоко и пронзительно.

Список литературы

1. Адамович Г. Стихи автора «Колымских рассказов» [Электронный ресурс]. URL: https://shalamov.ru/critigue/193 (дата обращения: 10.01.2018).

2. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 7 и 8, доп. М.: Эллис Лак, 1998–2005.

3. Бердяев Н.А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // Путь: Орган русской религиозной мысли. 1926. № 4. С. 78–87.

4. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1960–1963.

5. Гестава К. Выстроенный на воде и крови. Гидротехнический архипелаг ГУЛАГ, 1931–1958 [Электронный ресурс]. URL: https://shalamov.ru/research/61/10.html. (дата обращения: 15.01.2018).

6. Жаравина Л.В. «И верю, был я в будущем». Варлам Шаламов в перспективе XXI века: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.

7. Мурзин Н.Н., Павлов-Пинус К.А. Шаламовский проект: от риторики – к опыту или от опыта – к искусству? // Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения): материалы 14-й Междунар. науч. конф. Ин-та философии РАН с регионами России (Москва, 15 июня 2017 – Вологда, 17–18 июня 2017 г.). М.: Голос, 2017.

8. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. М.: ООО ПФК «Аллана», 2006.

9. Тютчев Ф.И. Лирика. М.: Наука, 1966. Т. 1.

10. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. М.: Согласие, 1997. Т. 2.

11. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2004–2005.

12. Шаламовский сборник. Вып 5. М.: Common place, 2017.

* * *

1. Adamovich G. Stihi avtora «Kolymskih rasskazov» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://shalamov.ru/critigue/193 (data obrashhenija: 10.01.2018).

2. Ahmatova A.A. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 7 i 8, dop. M.: Jellis Lak, 1998–2005.

3. Berdjaev N.A. Koshmar zlogo dobra (O knige I. Il'ina «O soprotivlenii zlu siloju») // Put': Organ russkoj religioznoj mysli. 1926. № 4. S. 78–87.

4. Blok A.A. Sobranie sochinenij: v 8 t. M.: GIHL, 1960–1963.

5. Gestava K. Vystroennyj na vode i krovi. Gidrotehnicheskij arhipelag GULAG, 1931–1958 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://shalamov.ru/research/61/10.html. (data obrashhenija: 15.01.2018).

6. Zharavina L.V. «I verju, byl ja v budushhem». Varlam Shalamov v perspektive XXI veka: monogr. M.: FLINTA: Nauka, 2014.

7. Murzin N.N., Pavlov-Pinus K.A. Shalamovskij proekt: ot ritoriki – k opytu ili ot opyta – k iskusstvu? // Poezd Shalamova. Problemy rossijskogo samosoznanija: sud'ba i mirovozzrenie V.T. Shalamova (k 110-letiju so dnja rozhdenija): materialy 14-j Mezhdunar. nauch. konf. In-ta filosofii RAN s regionami Rossii (Moskva, 15 ijunja 2017 – Vologda, 17–18 ijunja 2017 g.). M.: Golos, 2017.

8. Sirotinskaja I.P. Moj drug Varlam Shalamov. M.: OOO PFK «Allana», 2006.

9. Tjutchev F.I. Lirika. M.: Nauka, 1966. T. 1.

10. Chukovskaja L.K. Zapiski ob Anne Ahmatovoj. 1952–1962. M.: Soglasie, 1997. T. 2.

11. Shalamov V.T. Sobranie sochinenij: v 6 t. M.: TERRA–Knizhnyj klub, 2004–2005.

12. Shalamovskij sbornik. Vyp 5. M.: Common place, 2017.

Opposition of the evil and the good: A.A. Akhmatova – "Anna I" and the "Kolyma syndrome" by V.T. Shalamov

The article deals with the phenomenon of "evil from light", or "the evil good", and counteraction to it in the works by V.T. Shalamov and A.A. Akhmatova. The comparative aspect highlights the resistance to the atheistic tendencies of the epoch together with the uniqueness of the aesthetic and axiological guidelines of the authors. The attention is focused on the special place of the "phenomenon" of Akhmatova ("Anna I") in the fiction world of Shalamov, with the elements of the "Akhmatova's" text.

Key words: *"the evil good", Stockholm factor, historical memory, Kolyma phenomenon.*

(Статья поступила в редакцию 15.01.2018)

Б.А. МИНЦ
(Саратов)

ЗЕРКАЛО И ЗЕРКАЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА (образный строй, композиционные принципы)

Освещается комплекс художественных феноменов, сложившихся вокруг образа зеркала и явления зеркальности. Рассматриваются некоторые версии этих культурных универсалий в лирике О.Э. Мандельштама. Анализируются образный строй стихотворений, особенности художественного пространства, композиционные принципы (в частности, некоторые формы циклообразования).

Ключевые слова: *зеркальность, метафора, автовариации, модификация, эсхатология, диптих.*

В копилке образов и мотивов, напитанных смыслами из разнообразных источников мировой культуры и восходящих к древности (мертвая голова, нисхождение в мир теней, летучий корабль и т.п.), зеркало занимает почетное место. В силу своих предметных свойств и культурных ореолов зеркало содержит в себе

© Минц Б.А., 2018